

RU

Дисфункциональное отцовство в нарративах культурного пограничья:
на примере современной шведской литературы

Моркина М. А.

Аннотация. Цель исследования – выявление структурных особенностей и культурных смыслов образа отца в современной шведской прозе о миграции и идентичности. На материале романов Ю. Х. Кеммири (шв. J. H. Khemiri) «На красном глазу» (шв. “Ett öga rött”, 2003) и М. Бахтиари (шв. M. Bakhtiari) «Можешь ли ты произнести шибболет?» (шв. “Kan du säga schibbolet?”, 2008) рассматривается кризис отцовского авторитета в условиях культурного пограничья и его влияние на формирование личности протагонистов. В рамках феномена дисфункционального отцовства выделены две нарративные модели: отец, переживающий крах социального статуса, и отец, испытывающий кризис символического признания при внешней успешности. Научная новизна заключается во введении синтетического концепта «дисфункциональное отцовство в нарративах культурного пограничья», позволяющего рассматривать «слабого» отца как системный симптом разрыва в межпоколенческой трансляции культурных кодов. В результате исследования установлено, что кризис отцовской фигуры, детерминированный миграционным опытом, закономерно приводит к деформации социализации детей. При этом тип дисфункции формирует различные сценарии поиска идентичности: утрата публичного авторитета провоцирует у подростка активный, но деструктивный бунт против общества, тогда как кризис приватного авторитета при внешнем успехе порождает состояние пассивной «подвешенности» и экзистенциальной неопределённости.

EN

Dysfunctional fatherhood in cultural liminality narratives:
a study of contemporary Swedish literature

M. A. Morkina

Abstract. The research aims to identify the structural features and cultural meanings of the father figure in contemporary Swedish prose on migration and identity. Drawing on Jonas Hassen Khemiri’s novel “One Eye Red” (Sw. “Ett öga rött”, 2003) and Marjanek Bakhtiari’s novel “Can You Say Shibboleth?” (Sw. “Kan du säga schibbolet?”, 2008), the article examines the crisis of paternal authority in conditions of cultural liminality and its influence on the protagonists’ identity formation. Within the phenomenon of dysfunctional fatherhood, two narrative models are identified: the father experiencing a collapse of social status and the father undergoing a crisis of symbolic recognition despite external success. The scientific novelty lies in the introduction of the synthetic concept “dysfunctional fatherhood in cultural liminality narratives”, which allows viewing the “weak” father as a systemic symptom of a rupture in the intergenerational transmission of cultural codes. The research findings establish that the crisis of the father figure, determined by migration experience, consequently leads to a deformation of children’s socialization. Furthermore, the type of dysfunction shapes different scenarios for identity search: the loss of public authority provokes an active but destructive rebellion against society in adolescents, whereas a crisis of private authority amidst external success generates a state of passive “suspension” and existential uncertainty.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в развитии литературоведения и социогуманитарного знания, проявляющимися в сосредоточении научного интереса на проблемах идентичности, культурной памяти и трансформации семейных структур в условиях глобальной миграции и мультикультурализма. Такого рода исследования позволяют не только установить общие закономерности рефлексии ключевых социальных процессов в художественном тексте, но и определить национально-специфические

особенности осмысления кризиса традиционных институтов, поскольку литературная образность неотделима от глубинных ценностных установок и способа концептуализации «своего» и «чужого» в той или иной культурной традиции. Шведская литература начала XXI века, активно разрабатывающая тему миграционного опыта, представляет собой уникальный материал для подобного анализа, выступая в роли лаборатории по исследованию конфликтов и травм, порожденных жизнью в ситуации культурного пограничья.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

1) отобрать и систематизировать ключевые художественные стратегии репрезентации отцовской фигуры в романах Юнаса Хассена Кемири (шв. *Jonas Hassen Khemiri*) (в ранних переводах встречается написание Хемири. – М. М.) «На красном глазу» (шв. *“Ett öga rött”*, 2003) и Марджанэ Бахтиари (шв. *Marjaneh Bakhtiari*) «Можешь ли ты произнести шибболет?» (шв. *“Kan du säga schibbolet?”*, 2008) как текстах, релевантных для исследуемой проблематики;

2) определить основания и последствия метафорического переосмысления роли отца – из носителя власти и культурного эталона в фигуру, маркированную социальной и символической несостоятельностью;

3) выявить и описать корреляцию между типом отцовской дисфункции («крах публичного статуса» / «кризис приватного авторитета») и формирующимся у детей-протагонистов сценарием поиска идентичности (деструктивный бунт / экзистенциальная подвешенность).

Материалом для исследования послужили тексты романов Юнаса Хассена Кемири «На красном глазу» (Khemiri, 2016) и Марджанэ Бахтиари «Можешь ли ты произнести шибболет?» (Bakhtiari, 2008). Выбор произведений для анализа обусловлен как принципом репрезентативности, так и логикой сопоставления: оба автора принадлежат к одному поколению шведской «литературы пограничья» (Кемири – 1978 г. р.; Бахтиари – 1980 г. р.), чье творчество сфокусировано на осмыслении миграционного опыта и гибридной идентичности. Данные романы, ставшие знаковыми для шведской литературной сцены 2000-х годов, предлагают две взаимодополняющие модели репрезентации дисфункционального отцовства, что позволяет провести сравнительный анализ в рамках ограниченного объема статьи. Отрывки из романа Бахтиари приводятся в переводе автора настоящей статьи; цитаты из романа Кемири даны по существующему русскоязычному переводу О. Коваленко (Хемири, 2007).

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные положения постколониальных исследований о разделении гендерных ролей в процессе культурного сопротивления и адаптации (Gandhi, 1998; Nayar, 2010; O'Reilly, 2001; Chatterjee, 1993; McClintock, 1993), психоаналитические и психологические теории отцовства и его функций в процессе социализации (Фрейд, 2012; Юнг, 1997; Фромм, 2023; Зойя, 2014; Зотова, Летучева, 2019), а также работы, посвященные проблемам гибридной идентичности и культурного пограничья в современном литературоведении (Bhabha, 1994).

Методологическую основу работы образует синтез герменевтического анализа художественного текста, направленного на выявление смысловых доминант и конфликтов, сравнительно-типологического метода, позволяющего сопоставить нарративные модели в произведениях разных авторов, и элементов социокультурного анализа, учитывающего контекст миграционной политики и дискуссий о мультикультурализме в Швеции.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов и выводов в академической и педагогической практике: при разработке курсов по современной зарубежной литературе, скандинавистике, литературе диаспор и межкультурных исследований, а также в спецкурсах, посвященных проблемам репрезентации семьи и гендера в художественном тексте.

Обсуждение и результаты

Теоретические основы: отец в пространстве культурного пограничья

Классическая постколониальная теория предлагает модель разделения гендерных ролей в условиях культурного давления. Согласно этой модели, женщина-мать становится хранительницей «внутреннего» пространства дома, духовной сферы, отвечая за трансляцию языка, традиций и религиозных практик исторической родины. Мужчина-отец, напротив, действует во «внешнем» пространстве, выступая агентом взаимодействий с доминирующей культурой (или колониальной властью), отвечая за социальное позиционирование и материальное благополучие семьи (Chatterjee, 1993; McClintock, 1993).

Эта модель находит параллели в психоаналитическом и психологическом понимании родительских функций. В классическом психоанализе (Фрейд, 2012; Юнг, 1997) и в его более поздних интерпретациях (Фромм, 2023; Зойя, 2014) отец традиционно символизирует закон, авторитет, принцип реальности и проводника в объективный социальный мир, чья любовь и уважение воспринимаются как обусловленные его силой и компетентностью. Мать же воплощает безусловную любовь, защиту и эмоциональную связь. Современные исследования психологии родительства (Зотова, Летучева, 2019) также подчеркивают, что отец отвечает за обучение ребенка социальной адаптации, постановке целей и формированию устойчивой поведенческой стратегии (Моркина, 2023а; 2023б).

Однако ситуация культурного пограничья, возникающая в результате миграции в мультикультурное общество, радикально трансформирует эту схему. Концептуальный аппарат для осмысления этого пространства предоставляет теория Хоми Бхабхи (Bhabha, 1994), в частности его концепты «гибридности» (англ. *“hybridity”*) и «третьего пространства» (англ. *“third space”*). Бхабха (Bhabha, 1994, p. 4) утверждает, что миграция и колониальная встреча создают не зону простого конфликта двух цельных культур, а активное,

так называемое «интерстициальное» «третье пространство» (англ. *“interstitial passage between fixed identifications”*) – зону «между», где стабильные категории («свой/чужой», «Запад/Восток») теряют четкость, а идентичности подвергаются постоянной гибридизации. В этом пространстве ключевым механизмом становится мимикрия (англ. *“mimicry”*) – стратегическое, вынужденное подражание языку и нормам доминирующей культуры, которое, однако, по своей природе не может быть точным и всегда содержит в себе элемент сбоя, «не-совсем-подобия» (англ. *“almost the same, but not quite”*) (Bhabha, 1994, p. 86). Этот сбой не только маркирует отличие, но и подрывает авторитет исходной нормы, порождая новые, гибридные формы значения и субъективности.

Пограничье, таким образом, понимается не как географическая или этническая маргинальность, а как психологическое и социальное воплощение этого «третьего пространства» Бхабхи. В нём старые ориентиры отца, связанные с чёткой культурной референтностью и социальным статусом, теряют актуальность, а новые остаются недоступными или отвергаемыми. Отец-мигрант оказывается фигурой, вынужденной к постоянной мимикрии, что систематически подрывает сами основания традиционного отцовского авторитета, делая его «дисфункциональным» по определению. Его связь с исторической родиной может ослабевать как практический ресурс, а в новой среде он нередко сталкивается с маргинализацией или «стеклянным потолком», ограничивающим возможности профессиональной и социальной реализации. Таким образом, отец лишается традиционных оснований для выполнения ключевой социокультурной роли – роли наставника, обеспечивающего успешную адаптацию детей в обществе и передающего модель социального поведения. Авторитет отца, в патриархальной модели основанный на его силе, глубоком знании социальных норм и неоспоримом статусе первичного культурного референта, оказывается подорван. Этот фундаментальный сдвиг делает фигуру отца проблематичной, а его традиционные функции – невыполнимыми, что становится источником внутрисемейного конфликта и кризиса идентичности у детей (Моркина, 2023b).

Как отмечал Луиджи Зойя (2014), в современном западном обществе, где мужская агрессия стала ассоциироваться с деструктивностью, происходит выдвигание на первый план фигуры «кроткого», мягкого, даже слабого отца. В контексте культурного пограничья подобная «кротость» обретает вынужденный, травматический характер: это не свободный выбор, а часто следствие системной несостоятельности в реализации предписанной модели. Отец оказывается в ловушке: чтобы обеспечить выживание семьи, он должен демонстрировать адаптивность и компромиссность, что в глазах ребенка, жаждущего четких ориентиров и героического образа, может восприниматься как слабость и предательство корней. Этот кризис и составляет суть дисфункционального отцовства в анализируемых нарративах: отец неспособен выполнить свою ключевую функцию по передаче устойчивой поведенческой стратегии и социальной идентичности. Для верификации данного тезиса и раскрытия его конкретных механизмов обратимся к сравнительному анализу нарративных моделей, репрезентированных в исследуемых романах.

**Крах публичного авторитета и приватная компенсация:
отец как символ утраченного статуса в пограничье
(Отман в романе Ю. Х. Хемири «На красном глазу»)**

Образ Отмана представляет собой классический случай дисфункции, детерминированной самими условиями культурного пограничья. Его отцовство становится дисфункциональным из-за невозможности выполнить социально-символическую функцию в пространстве, где его прежние культурные коды утратили силу, а новые не были полноценно присвоены. Это делает фигуру отца живой метафорой разрыва в межпоколенческой передаче опыта. Халим, протагонист романа, остро нуждается в фигуре сильного отца-победителя, архетипическом образце для подражания в его собственной борьбе за право «быть арабом» в шведском обществе. Дисфункция Отмана как отца проявляется на нескольких взаимосвязанных уровнях, которые последовательно разрушают его образ в глазах сына.

1. Социальная и профессиональная несостоятельность. Собственная оценка Отманом своей жизни (*«Представь себе, что бы со мной было, если бы я сделал другой выбор. Один семестр, мне оставался какой-то несчастный семестр, когда государственный переворот провалился. Что я мог тогда сделать? <...> А дальше что? Что теперь происходит? Посмотри на меня – сижу в магазине и продаю всякое дерьмо»*) (Хемири, 2007, с. 184) маркирует крах его социальных амбиций. Его прагматичный совет сыну (*«Есть только один способ изменить положение дел в этом мире. Один-единственный. <...> Бабки. Деньги»*) (Хемири, 2007, с. 184) – не философия, а симптом усвоенной беспомощности и утраты иных, идеалистических ориентиров.

2. Культурно-символический отказ и разрыв с героическим прошлым. Отман сознательно дистанцируется от роли «хранителя арабской идентичности» (не соблюдает предписания Корана, пьет алкоголь, читает персидских, а не арабских поэтов, и т. д.). Однако Халим хранит память о другом отце: о том, который *«переполняется хаосом»*, *«бешено кричит»* и говорит *«самые арабские ругательства»* (Хемири, 2007, с. 112-113); об отце-борце, выступающем на митингах (Хемири, 2007, с. 117). Этот утраченный образ «настоящего» отца-борца становится для Халима болезненным мерилом его сегодняшней «слабости». Желание иметь сильного отца настолько велико, что подросток начинает проецировать этот образ вовне, гордясь отцом глазами других. Когда знакомая называет Отмана борцом (*«Отман всегда был борцом»*), эти слова отзываются в Халиме *«гордым эхом»* (Хемири, 2007, с. 151). Чтобы защитить этот призрачный авторитет от чужих оценок, он сочиняет для посторонних историю об отцовской политической активности (*«ведет борьбу, у него новые организации насчет Палестины, он участвует в демонстрациях против Интеграционного плана»*) (Хемири, 2007, с. 151).

3. Утрата языка как инструмента власти. Поведенческий код Отмана со шведскими покупателями («Со шведами он говорит так, как с Черстин по телефону. Голос у него становится мягким и гибким, как резинка для волос. Он прямо-таки рассыпается от любезности, молодым покупательницам дарит киндер-яйца и каждый раз в ответ на “спасибо” отвечает “к вашим услугам”») (Хемири, 2007, с. 135) интерпретируется сыном как унижительная уступчивость, отказ от маскулинной твердости. Единственной реальной ситуацией, где сын может испытать восхищение и гордость за отца, является сцена торговли на барахолке. Здесь, в противоположность заискивающему тону в магазине, голос отца обретает для Халима силу «самой твердой гранитной скалы» (Хемири, 2007, с. 135), демонстрируя маскулинность и успех в сиюминутном конфликте, которых подросток так жаждет.

4. Компенсация через гибридизацию родительских ролей. Лишенный публичного авторитета, Отман невольно занимает традиционно «материнскую» нишу в приватной сфере: он готовит, проявляет эмоциональную чуткость, способен на проявление чувств («Папа положил трубку и быстро вернулся в туалет. А вышел, наверное, только минут через пять. Сначала я подумал, что все в порядке, ничего особенного. Но потом заметил красноту в папиных блестящих глазах. Он налил стакан вискаря и долго сидел молча») (Хемири, 2007, с. 176). Эта дисфункция публичного отца компенсируется функциональностью в сфере приватного заботящегося родителя, что, однако, не удовлетворяет архетипическую потребность сына в сильном проводнике. Даже его физический облик в восприятии Халима символически «уменьшается»: «...я вдруг подумал, что папа становится понемногу не таким, как раньше. Сначала он поднялся на цыпки, чтобы дотянуться до новой бутылки с оливковым маслом, а потом, чтобы прочесть этикетку, вздел очки на лоб... майка повисла у него на плечах, и зеленые треники тоже» (Хемири, 2007, с. 116); «...папа скоро совсем изменится... папа скоро весь сморщится, и останется от него одна кожа, – и от этой мысли больше всего» (Хемири, 2007, с. 132).

Таким образом, реакция протагониста Халима на этот вакуум авторитета носит двойственный характер: с одной стороны, это активный и деструктивный поиск внешней альтернативы (радикальная риторика полусумасшедшей пожилой женщины Даланды, приводящая к актам вандализма, находит тем не менее отклик у подростка), а с другой – навязчивая мифологизация образа отца в прошлом и в глазах других, попытка спасти его авторитет через фантазийные конструкции. Лишь через взаимное признание права на разную стратегию выживания в пограничье (право отца на компромисс, право сына на связь с корнями) намечается хрупкий путь к диалогу, позволяющий Халиму в финале вновь «почувствовать гордость» от осознания их нерушимой связи («...все-таки иногда сразу заметно, что он мой папа. <...> [я] чувствовал гордость, потому что знал, что нас никто никогда не победит») (Хемири, 2007, с. 199).

**Внешний успех и внутренний крах: латентная дисфункция отца в условиях мнимой интеграции
(Мердад в романе М. Бахтиари «Можешь ли ты произнести шибболет?»)**

Если дисфункция Отмана связана с явной маргинализацией в **пограничье**, то образ Мердада раскрывает более тонкую, но не менее травматичную его форму – кризис отцовства *внутри* системы мнимой интеграции. Его случай демонстрирует, как даже успешное внешнее освоение кодов принимающей культуры не гарантирует символического признания и не снимает экзистенциального напряжения **пограничья**, которое смещается в приватную сферу и разрушает отцовский авторитет изнутри. Дисфункция Мердада раскрывается через серию нарративных парадоксов, которые выстраивают сложный образ «успешного неудачника».

1. Экзистенциальная травма непризнания. Мердад достиг вершины формальной интеграции: безупречный шведский язык, профессорская должность, медийность в связи с его радикальными (для мигранта) взглядами. Его глубинная травма выражена в рефрене: «Если бы ты был шведом»: он остаётся «экспертом-мигрантом», вечным Другим, не получившим полного символического признания: «“Если бы ты был шведом” – эти пять слов пронзали сердце Мердада всякий раз, когда он слышал, что его по-прежнему не считали таковым» (шв. “Hade du varit svensk – !” dessa fyra ord borrar ett hål rakt genom Mehrdads hjärta varje gång han hörde att han fortfarande inte ansågs att vara en sådan) (Bakhtiari, 2008, p. 146).

2. Дефицит холистической маскулинности. Бахтиари подчеркивает «немужские», с точки зрения традиционных стереотипов, черты Мердада: боязнь высоты («Ты же знаешь, что он боится высоты. В прошлый раз пришлось его уговаривать пятнадцать минут, чтобы он спустился») (шв. “Du vet att han inte klarar av höjder. Sist tog det nästan en kvart att övertala honom att komma ner”) (Bakhtiari, 2008, p. 407), некоторую феминность («маленькие руки») (шв. “små händer”) (Bakhtiari, 2008, p. 150), физическую слабость («если бы она столкнулась с физической угрозой, то лучше всего ее смогла бы защитить Париса, старшая сестра, а не Нушин или Мердад») (шв. “om att när hon stod inför ett fysiskt hot var det Parisa, och inte Noushin eller Mehrdad, som kunde skydda henne bäst”) (Bakhtiari, 2008, p. 241). Его авторитет – сугубо интеллектуальный и дискурсивный – дисфункционален в плане передачи целостного, воплощенного образа силы и защиты.

3. Дисфункция как «отсутствующее присутствие» и формирование матрифокальной семьи. Стратегией Мердада становится тотальное погружение в работу как попытка компенсировать травму непризнания и «создать корни» (шв. “skapa rötter”) (Bakhtiari, 2008, p. 312) для детей, обеспечив им беспроblemное будущее, чтобы «Швеция была для них чем-то самим собой разумеющимся, как для какой-нибудь Анны или Лизы, которые родились у какой-нибудь Гунилы или Маргареты» (шв. “Sverige skulle vara lika självklart för dem som det var för en Anna eller Lisa som fötts av en Gunilla eller en Margareta”) (Bakhtiari, 2008, p. 274). Жена Мердада констатирует его полную неспособность к принятию семейных решений: «Мой муж думает, что, если надеяться достаточно долго, проблемы дома исчезнут» (шв. “Min man tror att om han hoppas tillräckligt länge så försvinner

problemen här hemma”) (Bakhtiari, 2008, p. 20). Он обеспечивает материальный достаток (и даже избыток), но лишает семью эмоциональной включенности и повседневного лидерства: «Обе знали, что Мердад не заметит даже, что сидит на кухне один, покуда у него есть его утренние газеты» (шв. “*Båda visste att Mehrdad inte skulle märka om han satt ensam i köket så länge han hade sina morgontidningar att granska*”) (Bakhtiari, 2008, p. 7). Семья превращается в матрифокальную: отец, физически присутствуя, выполняет лишь функцию материального обеспечения, но не участвует в эмоциональной жизни и не является авторитетом в глазах дочерей: «Он может годами говорить о проблемах общества в высших салонах, наполненных шведами. Но когда его просят принять одно-единственное четкое решение, касающееся семьи, такое чувство, будто его просят отправить на луну космический корабль» (шв. “*Han kan diskutera samhällsproblem år ut och år in i fina salonger fulla av svenskar. Men när man ber honom ge ett enda klart besked om ett enda familjebeslut, så är det som om man bett honom avfyra självaste Apollo till månen*”) (Bakhtiari, 2008, p. 20).

4. Отношения с дочерьми и итоговая жертвенность отца. Парадоксальным образом Мердад становится не столько виновником семейного кризиса, сколько его главной жертвой, что и демонстрирует финальный эффект его дисфункции. Его отношения с дочерьми, лишенные реального общения, приводят к тому, что обе – каждая по-своему – предадут его.

Старшая дочь, Париса, будучи единственной в семье, кто интересуется интеллектуальными изысканиями отца, на деле дважды предаёт его идеалы: сначала вступая в сотрудничество с его идейным оппонентом (ранее – бывшим учеником), а затем – в ключевой момент теледебатов – надевая платок ради попадания в кадр, хотя знает о принципиальной позиции отца против использования религиозной атрибутики. Мердад, отсутствующий и мягкотелый в семье, не смог стать авторитетом, способным удержать ее от этих поступков.

Младшая дочь, Барун, испытывающая к отцу безусловную, «материнскую» любовь и пытающаяся защитить его от обвинений в расизме, делает это инфантильно и неубедительно: «Он не расист. Он из Ирана» (шв. “*Han är inte rasist. Han är från Iran*”) (Bakhtiari, 2008, p. 385), что лишь подчеркивает его уязвимость. Неспособный донести свои взгляды в рамках семьи, Мердад не только не обретает в дочери опоры, но и обнаруживает всю глубину своего символического одиночества.

Таким образом, дисфункция Мердада заключается в фатальном разрыве между публичной и приватной ипостасями. Его попытка компенсировать внешнюю травму непризнания трудом оборачивается внутренним крахом его отцовской роли. Он не становится проводником и авторитетом, а превращается в объект – сначала семейного игнорирования, а затем и невольного предательства со стороны собственных детей, которые, не получив от него внятной жизненной и идеологической модели, действуют вопреки его принципам или не в силах их отстоять. Не имея живого, вовлеченного отца как авторитета, способного донести свои идеалы, они остаются в состоянии экзистенциальной «подвешенности», не понимая до конца ни своей позиции, ни смысла своего (не)действия, пребывая в культурном пограничье без надежного проводника.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ двух нарративных моделей дисфункционального отцовства – явного социального краха (Отман) и латентного приватного кризиса при внешнем успехе (Мердад) – позволяет утверждать, что в пространстве культурного пограничья отцовская фигура обречена на структурную дефектность. Ее кризис носит не случайный, а закономерный характер, поскольку коренится в самой природе пограничья: здесь старые культурные коды теряют силу, а новые не обеспечивают полноценного символического признания, систематически подрывая традиционные основания патриархального авторитета.

В результате образ «дисфункционального» отца в романах Ю. Х. Кемири и М. Бахтиари предстает не как индивидуальная психологическая характеристика, а как литературная репрезентация системного симптома. Этот симптом отражает глубинный кризис механизмов интеграции в шведском обществе 2000-х годов, которое можно интерпретировать в рамках политики либерального мультикультурализма. Как отмечал Славой Жижек (Žižek, 1997), такая политика зачастую представляет собой «расизм с дистанцией»: она «приветствует» Другого, но лишь до тех пор, пока тот остается на безопасной дистанции, сохраняя свою институционализированную инаковость. Именно в этой системе символического непризнания, ведущего к созданию «геттоизированных» сообществ (как социальных, так и психологических), и коренится травма отца-мигранта. Отец оказывается в ловушке между требованием ассимиляции и маркировкой как вечно иного, что делает его традиционную роль проводника и авторитета невыполнимой. Таким образом, дисфункция отцовства оказывается прямым следствием перманентного нахождения «между» культурами в условиях невозможности полноценной интеграции.

Проведенный анализ позволяет выявить две контрастные, но взаимодополняющие нарративные модели дисфункционального отцовства, определяющие разные стратегии поиска идентичности у детей-протагонистов и напрямую вытекающие из специфики переживания культурного пограничья их отцами.

Модель дисфункционального отцовства, воплощенная в образе Отмана у Кемири, строится на нарративе очевидного и публичного краха традиционного отцовского авторитета под давлением маргинализации в новом обществе. Этот крах проявляется в двух взаимосвязанных сферах: в утрате социального статуса (переход от политического активиста к владельцу лавки) и в добровольном отказе от роли хранителя культурной идентичности в глазах сына как стратегии выживания в пограничье. Эта очевидная «слабость» провоцирует

активную, гиперкомпенсаторную реакцию Халима: мифологизацию героического прошлого отца, поиск сиюминутных проявлений его силы и, в итоге, деструктивный бунт с опорой на радикальный внешний авторитет. Кризис здесь протекает в логике открытого конфликта, оставляющего, однако, пространство для диалога на основе общей травмы непринадлежности.

Модель, воплощенная в образе Мердада у Бахтиари, демонстрирует латентную дисфункцию, скрытую за фасадом публичного успеха и являющуюся оборотной стороной формальной интеграции. Кризис локализован в приватной, семейной сфере и связан с психологическим отсутствием отца, поглощенного попыткой преодолеть свою символическую «инаковость» в публичном пространстве, что ведет к формированию матрифокальной семьи. Эта латентная, но тотальная утрата отцовской роли формирует у дочерей пассивную и внутренне противоречивую реакцию: неспособность полноценно усвоить его идеалы сочетается с невозможностью их аргументированно отстоять, что в результате ведет либо к их невольному предательству (как в случае с Парисой), либо к инфантильной и неэффективной защите (как в случае с Барун). Отец превращается не в авторитет, а в объект и жертву семейной динамики, тогда как кризис идентичности детей принимает форму экзистенциальной «подвешенности» и внутреннего разрыва между внешней адаптацией и внутренней пустотой.

Таким образом, дисфункциональное отцовство в анализируемых нарративах выступает мощным символом разрыва межпоколенческой трансляции культурного кода и оказывается прямым порождением самого пространства культурного пограничья, усугубленного политикой «признания на дистанции». Независимо от того, принимает ли кризис форму открытого социального краха или скрытого семейного провала, его итогом становится тяжелая деформация процесса социализации детей, которые оказываются лишены работающей стратегии навигации между культурами. Отец, который в традиционной модели должен был быть проводником через это пограничье, сам становится его главной жертвой и, тем самым, ключевой фигурой травмы. Литература фиксирует этот травматический опыт, демонстрируя, как крах отцовского авторитета ведет либо к агрессивному, но тупиковому бунту против системы, отчуждающей отца, либо к экзистенциальной растерянности и утрате субъектности в мире без четких ориентиров.

Перспективы исследования видятся не только в применении предложенного аналитического подхода к творчеству других авторов шведской и общеевропейской «литературы пограничья», но и в его использовании для сравнительного анализа с литературами других мультикультурных обществ. Это позволит выявить универсальные и специфические черты репрезентации одного из центральных конфликтов современного мультикультурного общества. Кроме того, перспективным представляется изучение альтернативных моделей авторитета и наставничества, возникающих в том же контексте пограничья (например, фигура матери, учителя, представителя диаспоры), что может дать ключ к пониманию механизмов преодоления или трансформации выявленного кризиса отцовства и культурной идентичности протагонистов.

Материалы исследования | Research materials

1. Хемири Ю. Х. На красном глазу // Иностранная литература. 2007. № 3. Швеция XXI: новые голоса.
2. Bakhtiari M. Kan du säga schibbolet? Stockholm: Ordfront, 2008.
3. Khemiri J. H. Ett öga rött. Stockholm: Bonnier Pocket, 2016.

Источники | References

1. Зойя Л. Отец: исторический, психологический и культурный анализ. М.: Класс, 2014.
2. Зотова Ю., Летучева М. Всё дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании. М.: Класс, 2019.
3. Моркина М. А. Образ отца в творчестве Юнаса Хассена Кемири // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023а. Т. 16. Вып. 9. <https://doi.org/10.30853/phil20230462>
4. Моркина М. А. Эволюция образа отца в творчестве Юнаса Хассена Кемири // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (г. Санкт-Петербург, 14-21 марта 2023 года): сборник тезисов. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2023b.
5. Фрейд З. Тотем и табу. М.: Азбука, 2012.
6. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2023.
7. Юнг К. Г. Алхимия снов. Четыре архетипа. СПб.: Тимошка, 1997.
8. Bhabha H. The Location of Culture. L. – N. Y.: Routledge, 1994.
9. Chatterjee P. The Nation and Its Fragments: Colonial and Postcolonial Histories. Princeton: Princeton University Press, 1993.
10. Gandhi L. Postcolonial Theory: A Critical Introduction. N. Y.: Columbia University Press, 1998.
11. McClintock A. Family Feuds: Gender, Nationalism and the Family // Nationalisms and National Identities. 1993. № 44.
12. Nayar P. K. Postcolonialism: A Guide for the Perplexed. L.: Bloomsbury Continuum, 2010.
13. O'Reilly Ch. Post-Colonial Literature. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
14. Žižek S. Multiculturalism, or, the Cultural Logic of Multinational Capitalism. 1997. <https://newleftreview.org/issues/i225/articles/slavoj-zizek-multiculturalism-or-the-cultural-logic-of-multinational-capitalism>

Информация об авторах | Author information**Моркина Марта Александровна¹**¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого**Marta Aleksandrovna Morkina¹**¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University¹ marta.morkina@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 12.01.2026; опубликовано online (published online): 29.01.2026.

Ключевые слова (keywords): культурное пограничье; дисфункциональное отцовство; гибридная идентичность; постколониальная теория; современная шведская литература; cultural liminality; dysfunctional fatherhood; hybrid identity; postcolonial theory; contemporary Swedish literature.